

Канев Валерьян Константинович

БИОГРАФИЯ

первопоселенца п. Харута

Канева Фёдора Анисифоровича

Канев, Валерьян Константинович.

Биография первопоселенца п. Харута Канева Фёдора Анисифоровича [Электронный ресурс] / Канев Валерьян Константинович ; обраб. файла: Е. Н. Адомайтис, заведующий Отделом электронного обслуживания Центральной библиотеки МБУК "ЦБС". - Электрон. граф. дан. (1 файл: 7 с.). - Инта, 2018. - Систем. требования: Acrobat Reader 9.0 или выше; WINDOWS 98/ME/2000/XP/Vista/7. - Вид файла: pdf. - Загл. с титул. экрана. - 16+ (Информационная продукция для детей, достигших возраста 16 лет).

Фёдор Анисифорович коренной ижемец, родился в селе Ижма 1839 году в семье крестьянина Анисифора Авксентьевича. Существует семейная легенда: Прадед Авксентия был выслан из-под Вологды или Великого Устюга после воцарения Екатерины II Великой в Ижму. Был человекам холостым, высокого роста, широкоплечий. Был прекрасным кузнецом, а также плотником, печником, шорником, сапожником. Мастер на все руки! После приезда в Ижму нанялся работником к местному кузнецу. Стал работать в кузнице. Для того, чтобы на помочах (крестьяне друг другу помогали на крупных работах: строительство дома, сенозаготовка, заготовка дров и так далее) колоть самые большие чурки дров, он выковал себе особый, большой топор -колун. Крестьяне на помочах, оставляя самые крупные чураки, говорили: «Сыа подкедас (он расколет)». Отсюда его потомкам приклеилось прозвище «Поткины (Поткинас)». Он сам стал первым Поткиным. Его хозяин, кузнец, через год сказал Поткину: «Ты сам мастер лучше меня, открой свою кузницу». Тогда же Поткин построил дом, женился на вдовушке лет тридцати, имеющей одну дочь. Сам Поткин имел четырёх сыновей от этой женщины, которые положили начало многочисленному роду Поткиных. Полученная справка из Архангельского областного архива, позволила установить имя легендарного Поткина. Его звали Иван Петрович. По семейному преданию во время женитьбы он принял фамилию жены, стал Каневым. Двоюродная сестра отца Константина Фёдоровича, Серафима приезжала в Харуту 1962 году и говорила, что пол-Ижмы это Поткины.

Вернёмся, однако, к Фёдору Анисифоровичу. С раннего детства дед выделялся своим голосом. С восьми лет настоятель главного Ижемского храма Преображения Господня определил его в церковный хор, научил грамоте. Пел Фёдор Анисифорович в церковном хоре целых восемь лет. Никакой платы за пение не получал, было только уважение окружающих, а сам Фёдор Анисифорович пел с большим удовольствием. Только болезнь могла быть причиной пропуска церковного хорового богослужения.

Однажды дядя (брат отца) попросил Фёдора Анисифоровича помочь ему в оленеводстве. Родители были не против: занятие оленеводством было выгодным делом. И вот 16-ти летний Фёдор Анисифорович отправляется в тундру, пасти оленей в стаде родного дяди. В то время ижемские оленеводы кочевали в основном по тундровым рекам Колве, Адзьве, Роговой, Каратайке и Каре, Большеземельской тундры. В первую же весну попал Фёдор Анисифорович на Адзьву и её приток Харуту. Реки были ещё подо льдом, но по Харуте на большом протяжении речка не замёрзла, там много было уток и гусей. Однако дядя не охотничал и племяннику не разрешил, но достал лёгкий невод и припасённой тут же маленькой лодочке (вешки), стали неводить. Рыба, крупный хариус, ловилась очень хорошо. За день наловили целый «амдёр» (большие оленние сани-нарты, с большим ящиком). На следующий год осенью дядя поспешил из тундры раньше, специально на Харуту, чтобы ловить хариусов. Во время рыбалки ниже развилки (ниже Вожа), у места, которое теперь называют «Дявел щелья» видели чудо: на щелье (высокий, обрывистый берег реки) увидели троих людей одетых в шкуры, один из них подросток, кричал, указывая на лодку, и прыгал, вероятно, от радости. У одного в руках был лук выше человеческого роста, а у третьего за плечами была котомка. Минут пять смотрели друг на друга. Потом люди, одетые в шкуры, повернулись и ушли. Больше рыбаки их не видели. Дядя рассказал Фёдору Анисифоровичу, что в пещерах Адака (выше от устья Адзьвы по реке Усе 16 километров) живут подобные люди. Вот по этому это место, где видели дикарей, с тех пор (примерно 1856 год) стали называть - «Дявел щелья».

Кочуя по тундре, Фёдор Анисифорович не раз попадал в долины рек Роговой и Каратайки. Основной путь их кочевий пролегал от Ижмы через Лыжу на реку Усу и дальше по Вэрга-мусюру вдоль Адзьвы (между Адзьвой и Роговой) до реки Каратайки и до моря. Печору переходили около Усть-Лыжи, а Усу – выше Адака. Адзьву нигде не пересекали, кроме её притоков. Каратайку тоже не переходили - кочевали к западу от Каратайки до моря. Протяженность маршрута, говоря современным языком, была не менее полутора тысяч километров. Отмечу, что гряды Чернышева, причём от реки Печоры

и до реки Каратайки, прежде называли Вэрга-мусюр, не подразделяя на отдельные кряжи, выделяя лишь отдельные вершины (мыльки).

Рассказывал Фёдор Анисифорович также о том, что прежде по тундре и в тайге очень много было диких оленей, которые собирались в стада по 20-30 голов и более, они сами тоже совершали переходы, примерно совпадавшие с кочевьями оленеводческих стад. Часто происходило стихийное скрещивание важенок с дикими хорами. Бывали отдельные случаи ухода домашних хор (важенок нет) с дикими оленями. Осенью, в период гона, иногда диких оленей отстреливали по несколько десятков голов. Основным калибром ружья на диких оленей был двенадцатый, а против волков – восьмой. Ружья были без патронов, заряжались через ствол. Основным товаром оленеводства были шкуры, а не мясо, как сейчас. Даже в тундре оставляли штабелями туши мяса, но шкуры везли до Ижмы обязательно. Замшевый завод был в Цильме, недалеко от села Усть-Цильма.

Когда Фёдору Анисифоровичу исполнилось девятнадцать лет, он добровольно вызвался на службу. Очередь идти в армию пришла двоюродному брату, но он был женат и имел двоих детей, а Фёдор Анисифорович был холост. По совету родных он согласился заменить брата. В 1858 году Фёдор Анисифорович попал в Кронштадт, где и проходил обучение на корабле. Уже после окончания Крымской войны эскадра из трёх кораблей, совершила рейд вокруг Европы в Чёрное море. Но через проливы турки их не пропустили. Они остановились у берегов Греции. Пришлось русским матросам в буквальном смысле слова «загорать». Командование устраивало различные смотры и соревнования. Фёдор Анисифорович оказался первым борцом на своём корабле среди 120 братков, а его лучший друг Иван из под Вологды, оказался лучшим ныряльщиком и плавальщиком под водой: мог всех дольше по времени быть под водой и проплыть дальше всех. Тут приехал какой-то адмирал из Санкт-Петербурга. Командование в честь встречи адмирала (к сожалению, фамилию адмирала не запомнил) устроило концерт, где моряки пели и плясали. Фёдор Анисифорович пел в хоре, а также дуэтом с другом Иваном и один исполнял песню «Над серебряной рекой». Вот здесь и произошло событие, круто изменившее судьбу Фёдора Анисифоровича. После концерта адмирал подозвал Фёдора Анисифоровича к себе и спрашивает; «Милый матросик, не учился ли ты в консерватории?» Фёдор Анисифорович не знал, что это такое и так и ответил адмиралу. Адмирал был весьма удивлён и пробурчал: «Гм, но ты прекрасно поёшь! Не желаешь ли ты петь в церкви?» Фёдор Анисифорович сразу согласился.

Через два дня с каким-то важным чиновником из нашего посольства в Греции Фёдор Анисифорович ехал на лошадях в Санкт-Петербург. Тяжело было расставаться с другом Иваном: оба расплакались, тискали друг друга в объятьях. Они думали, что расстанутся навсегда. Но, забегая вперёд, скажу, что через пять лет Иван вместе с флотилией, прибыл в Кронштадт и первым делом посетил храм в Лисьем – Носу. А ещё через три года Иван, отслужив 25 лет, уехал домой. Ведь он, в отличие от Фёдора Анисифоровича, был насильно отдан в солдаты.

Прибыв с Санкт-Петербург Фёдор Анисифорович по указанному адресу явился в Храм, который располагался на самом конце мыса Лисий – Нос. Это был храм для моряков, где совершались торжественные богослужения по случаю побед российского флота, а также отпевания погибших моряков. Восемнадцать лет Фёдор Анисифорович пел в стенах этого храма, став псаломщиком, то есть певцом божественных псалмов. Видел в храме многих видных людей России, в том числе и адмирала по воле, которого оказался в храме, так же и самого Государя Императора Александра III. Адмирал на память подарил Фёдору Анисифоровичу карманные часы, которые Фёдор Анисифорович оставил в Ижме брату.

В то время в царской армии было положение: если солдат (матрос) отслужил два года без замечаний, то имеет право жениться. Решил воспользоваться этим положением и Фёдор Анисифорович, о чём доложил командиру части, где числился на службе. Таких желающих оказалось 15 человек. Их командование специально стало готовить к важному акту в жизни человека: познакомили с законами, учили этикету, даже танцам. На это ушло

три месяца. Потом матросов повели в дом призрения (детский дом по нашему). Этот дом находился в Сестрорецке, совсем недалеко от Храма, где служил Фёдор Анисифорович. Завели матросов в просторный зал, где уже был накрыт стол. Всех выстроили с правой стороны от стола вдоль стенки. Вошла настоятельница дома в сопровождении монахини в белой одежде. Обратилась к матросам со словами приветствия и предупреждения, что её воспитанницы очень нежны, культурны и внимательны. Просила не обижать их и вежливо обращаться. Потом обратился к матросам офицер, который благодарил настоятельницу, а матросам сказал; «Не уроните честь доблестного российского матроса». После этого монахиня подошла к дверям, отворила обе створки и под мелодию тихой музыки вошли 19 девочек от 15 до 18 лет. Старшие покидали дом призрения. Все были красавицы как на подбор, но третья от ведущей, так взглянула на Фёдора Анисифоровича, что он больше ничего не видел и не слышал. А она, третья, как потом призналась после рождения первенца: «Екнуло сердце, и сразу узнала – это он». Ей было 15 лет и семь месяцев. Пригласили сесть за стол, сперва матросов, а девочкам сказали; «Садитесь напротив того с кем бы вы желали познакомиться». Вера Андреевна (Тейти Наина) подошла поклонилась и села напротив Фёдора Анисифоровича. Девочки были очень робкими, с трудом выговаривали слова. Но после нескольких слов Фёдор Анисифорович почувствовал, как будто он давно знаком с Верой и она тоже самое почувствовала. Потом настоятельница предложила танцы и тут, сам, удивляясь своей смелости, Фёдор Анисифорович первым встал и пригласил Веру по правилам этикета, которому учили. За первое знакомство Фёдор Анисифорович узнал, что Вера – Наина Тейти, живёт в доме призрения с пяти лет, что у неё старшая сестра Катерина, живёт у дяди, который работает на Сестрорецком оружейном заводе. Настоятельница объявила, что в ближайшее воскресенье (через два дня) у них в доме праздник и приглашает всех матросов на праздник. Вот здесь на этом празднике Фёдор Анисифорович рассказал о себе, и сделал неофициальное предложение и Вера Андреевна ответила, что она не против, но об этом будет говорить через пять недель. Пять недель было отведено и Фёдору Анисифоровичу и его товарищам для знакомства с девочками командованием. В каждую неделю один раз устраивались организованные встречи матросов и девочек из дома призрения. Ещё один раз в неделю разрешалось индивидуальное или групповое посещение матросами девочек без офицера.

Через пять недель из 15 матросов 11 готовы были жениться, о чём и доложили командованию.

На ближайшей встрече 11 пар уже официально на вечере в торжественной обстановке были обручены и настоятельница провозгласила имена этих пар. А через две недели была сыграна общая свадьба, причём матросы освобождались от службы на три дня. Венчание происходило в храме, где Фёдор Анисифорович пел псалмы. По просьбе Веры Андреевны Фёдору Анисифоровичу было разрешено командованием петь в одной сцене при обряде венчания. После пения Фёдор Анисифорович подошёл к Вере Андреевне, а она обхватила его за шею и, заплакав, поцеловала, а потом прошептала: «Как хорошо спел!» Фёдор Анисифорович тоже шёпотом сказал: «Всю жизнь тебе буду петь!»

Из церкви все 11 пар новобрачных ушли не в казармы, а отведённые однокомнатные квартиры, отапливаемые дровами. Все 11 пар оказались в одном доме. Вот так царская Россия думала и обеспечивала квартирами даже простых матросов. А в советское время офицеры всю жизнь без квартир. Что уже говорить о нынешних кризисных временах! Нужна ли была революция!?

В этой матроской квартире родились Фёдор и Мария. Вера Андреевна со дня венчания стала получать половину солдатской нормы, а дети, - четверть нормы с момента рождения. Выдавали также определённое количество мануфактуры (можно было брать готовой одеждой, но Вера Андреевна сама была портнихой).

Вера Андреевна с сестрой Катериной были сироты. Отец умер, когда Вере Андреевне было 5 лет, а Катерине 10. Их отдали в сиротский дом, дом призрения, как тогда называли. В доме учили грамоте, а с 12 лет и какой либо специальности. Вера Андреевна выбрала специальность кухарки (повара), но быстро научилась и освоила ещё

и специальность портнихи. Поскольку была способна и это дело она быстро освоила, стала помогать няням ухаживать за маленькими детьми, была сиделкой у больных детей, а детям по младше, читала книги со сказками, стихами. Из писателей она любила Достоевского, из поэтов – Некрасова. Отец говорил, что она имела среднее образование, но вероятно ошибался: нужно было закончить гимназию, а она гимназию не кончала, хотя и училась; рано вышла замуж. Выигрывала по сравнению со своими подругами тем, что училась одновременно в двух местах. Так учиться поваром (кухаркой) она поступила с 11 лет, а через месяц ещё стала учиться и на портниху. Настоятельница говорила Вере Андреевне, что она будет хорошей воспитательницей в доме призрения, если захочет. Когда Вера Андреевна училась на кухарку, их знакомили с разными растениями, в том числе и с лекарственными, что потом очень пригодилось в жизни.

В 1878 (или 1879 году) служба Фёдора Анисифоровича закончилась, и он поступил на работу на Сестрорецкий оружейный завод, где работал дядя Веры Андреевны. На заводе он в это время возглавлял какой-то отдел и помог Фёдору Анисифоровичу устроиться на работу и найти квартиру. Пять лет Фёдор Анисифорович работал на оружейном заводе простым рабочим, но петь в храме по праздникам не прекращал. Теперь за пение ему платили деньги. После рождения сына Константина Фёдор Анисифорович решает вернуться на родину. Согласна была и Вера Андреевна, которая к этому времени научилась разговаривать по-коми. В семье на некоторое время было установлено правило: Фёдор Анисифорович говорит по-русски, а Вера Андреевна по-коми. Так же коми языку учились и дети. Вера Андреевна говорила так же по-немецки и по-шведски. Это, вероятно, учили в гимназии, а финский язык она знала с детства. Таким образом, Вера Андреевна к концу жизни знала пять языков. Отец говорил, что последний год, полтора, она путала все языки, иногда один и тот же предмет называла тремя, четырьмя названиями. Я и сам помню, как она произносила не понятные слова.

Подкопив капитал, через год после рождения третьего ребёнка, Фёдор Анисифорович с семьёй пустился в далёкий путь на Родину – в Печорский край. Для Веры Андреевны это был чужой, неведомый край. Ещё в детстве она слышала, что в тундре живут самоеды, которые едят друг друга. При разговоре с Фёдором Анисифоровичем о поездке в Ижму, Вера Андреевна ответила по-коми: «Бэжис юрсе оз бергед. Кыте ем, сенже сунис», что означает: Хвост головой не правит. Куда иголка, туда и нитка». Причём вместо слова «оз бергед», нужно было сказать «оз веськедлы», то есть не правит, а «не повернёт», как сказала Вера Андреевна.

О жизни в Ижме рассказано в истории посёлка Харута, там же и о жизни в Харуте. Добавить можно следующее:

По Адзьве реке до поселения в Харуте был один житель в Эгрампи, то есть в Фома – Ю. Там жил двоюродной брат по отцу Фёдора Анисифоровича. Будет рассказ о деревнях, там подробнее о Фома – Ю.

Умер Фёдор Анисифорович в октябре 1920 года в возрасте 85 лет, как говорил Константин Фёдорович сохраняя свой прекрасный баритон и память до последних дней. Вера Андреевна умерла в марте 1935 года, хотя и путала отдельные слова из пяти языков, но не «древила» до последнего дня. За 2 часа до последнего вздоха произнесла: «Прэстите навеки», то есть по-коми и по-русски, а потом это же произнесла по-фински. Последние её слова слушали два сына Фёдор и Константин. Она очень много предвидела из будущего: о Харуте говорила: Уна олысь лоэ» – «Много жителей будет». «И бурыс уна лоэ, но и льокыс оз эчаджик», то есть «И хорошего много будет, но и плохого не меньше» Предсказывала о больших работах у Колва – Щельи, около нынешнего Усинска. Говорила и о войне большой, но у Константина сыновья не будут воевать, и многое другое предсказывала. Говорила ещё, что будут жить долго, много людей, а может быть будет город. Вероятно будут большие работы в верховьях реки Харуты. Не дай Бог, конечно.

20 июня 2000 года.

МБУК "ЦБС" г. Иhta